

18+

ШАМОНКОВ ДАНИИЛ

PARENTAL
ADVISORY
EXPLICIT CONTENT

КНИГА СТИХОВ II

ЗВЕРИ НЕЦ

Даниил Шаменков

Книга стихов П. Зверинец

«Издательские решения»

Шаменков Д. Е.

Книга стихов П. Зверинец / Д. Е. Шаменков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937106-5

Сборник стихотворений, написанных в 2018 году. Стихи в этой книге разношорстные и непричесанные, экспрессивные и полны эмоций. От самых милых, глубоких и сокровенных до самых отвратных и нелицеприятных. Все те вещи, что переданы словами и рифмами в данном сборнике — это то, что делает поэта таким же, как и самых обычных людей. Они могут также, как и люди, плакать, любить, смеяться и, в конце концов, высказываться не очень корректно о тех или иных вещах. «У всех в голове тараканы... А у меня — еноты...» Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-937106-5

© Шаменков Д. Е.
© Издательские решения

Содержание

«Вскрываю бабочек в чьем-то брюхе...»	6
Поэма о минувших днях	7
I	7
II	9
«И пусть все опять погибнет...»	10
Матильда	11
«Ты после секса плачешь в собственной кровати...»	12
«Одинокая вышка по центру моря...»	13
«Когда я постарею...»	14
Конец	15
die Entfernung	16
Рашмор	17
Поэт	18
Лишь Смерть	19
Future	20
69—96	21
Три года назад	22
«Не пытайся читать это быстро...»	23
Зима	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Книга стихов II Зверинец

Даниил Евгеньевич Шаменков

© Даниил Евгеньевич Шаменков, 2020

ISBN 978-5-4493-7106-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эту книгу я посвящаю Регине.

«Вскрываю бабочек в чьем-то брюхе...»

Вскрываю бабочек в чьем-то брюхе,
Заполняя внутри пустоту,
И серьга чуть блестя на ухе,
Свет свой бросает во тьму.

Я сижу в своем кресле, держа сигарету
С ошпаренным бледным лицом,
Отвечая на все вопросы,
И на каждый стыдливым враньем.

Все о том, как мне тяжело в детстве
Было крест свой стругать и нести,
Что курение – дело мести
В ответ чьей-то сильной вины.

И за руку я мать свою
Вел сам прямиком в крематорий,
Ей на ухо шептая: «Люблю»,
Оставляя свой разум в морге.

И теряем мы, отнюдь, не людей,
Не мозги и не чьи-то идеи,
В то же время теряем совсем не миры,
А лишь деньги на чьи-то поминки,

На четную цифру, на ценнике
В цветочном, в графе «количество»,
Опять смерть, опять гниль, опять деньги,
Еще малость... И стану личностью.

Поэма о минувших днях

I

Покидаю я родину снега,
Во льдах где убойно окрепших
Спит мой невинный родитель,
Что числится в списке погибших...

Улетая, так много сказать
Мне охото, хотя б напоследок...
И теплых словец больше взять,
Накидав их под грудью презентом.

Я с каждым хочу попрощаться,
Прощавшись, уйти вновь в кому,
Убиенно, разбито, все взглядом:
Я о каждом все в меру помню.

И о матери вспомнив с слезами,
Я все-все до молекул убью,
Что хранил, что бездушно терзало,
И по-новой всю жизнь проживу.

Потеряю записки того,
С кем играл, убивая джойстик,
С кем я с детства не тлел в аду,
С кем в раю поломал все кости.

Я оставлю обиды обидой,
Бросив все в расстоянье лететь,
«Не увидимся больше, не ври мне»...
Не увидимся, врал... Прости...

И тебя так пугал мой крик...
Ты меня удивлял, мой друг,
Не смотря ни на что, так терпеть
Того, кто дразнил до мук...

Мы так и не сняли фильм...
Мы не сняли его, и к черту,
Без тебя я пойду к мечте...
Без меня расти древо мертвых.

Вновь о брате сказать не забуду,
Хоть сказал уже как-то, когда-то,

Спасибо тебе... Запомни,
В моем сердце всегда будешь главным.

И тому, кого злил, ты прощай,
Запомни меня, храни о мне память,
Я любил тебя, правда... Знай,
Все запомнит под снегом наледь.

А Душа, что Родной мне казалась,
Не стлей, умоляю, не стлей...
За тобою останется правда,
Но не ты, к сожалению, за ней.

II

Я родину стихов своих покинул.
А не снегов, сердца людей,
Что отношеньями со мною дорожили,
В глазах чьих близких я лишь тень.

Свой гордый умысел остаться
Я не сберег почти на старте,
Ведь тонкой струнке не порваться,
Пока живы аккорды барда.

Я прекращу писать в подъездах
И стану все писать в парадной...
Летя по жизни с кровной мезью
И женским проклятым началом,

В глаза глядеть почти что нелюбимой,
И вспоминать о том, кто дорог,
Я с Петроградом связан нитью,
Пока мечтою жив и молод...

И поступлю, наверное, не верно,
Бросая вновь в беде птенца,
Ведь на столе не первый вермут
Достиг логичного конца.

Я вкус клубники за пять сотен
И ржавый вкус ее семян
Как многих здешних позабуду
И каждый их дурной изъян.

Для многих тех, кого я знал,
Меня убило это лето,
Но я судьбу не выбирал,
Все за меня решало небо...

«И пусть все опять погибнет...»

И пусть все опять погибнет,
Чтоб раз за разом возрождаться,
Я здесь когда-то был. Отныне
Нет смысла более сражаться.

Все это бредни Инограда, —
По-иноградски я поник,
И мне по-северному мало
Того, что я живой двойник

Каких-то летописцев и писцов,
Треклятых висельников эго,
Что повидали жизнь мостов,
Не видя солнечного света.

И я как прасын праотцов
Всех-всех великих стихотворцев
Покину сам свой край родной
В надежде стать единым с солнцем.

Матильда

Ты многогранна как Матильда...
При простоте своей простой
Ты вяжешь нитки паутиной
И ночь светлишь на пару с тьмой.

Ты свет способна затушить
Двумя горящими свечами,
И даже жизнь озолотить
За пару жалящих свиданий.

Я не привык: ты как пчела,
Но в стае самых диких ос,
Твоя манера отличать...
Она ль водила всех за нос?

Прощай, пока и до свиданья,
Праобраз жалящей Матильды.
Я внес неясность в черствость жала,
Пока твой яд бежал по венам.

И то прекрасное начало
Затмило мнимую концовку,
Прости, прощай опять, еще раз,
Пока твой разум жив в задворках.

«Ты после секса плачешь в собственной кровати...»

Ты после секса плачешь в собственной кровати,
Сжав в свой кулак всю ненависть и злость,
Когда-то вместе мельтешили мы под партой,
А сейчас женатыми ебем друг другу мозг...

Ты после ссоры плачешь мне в плечо,
В мозгах искореняя мысли об утрате,
А после ты на все (на это) мерзопакостно плюешь,
Не навещая полумертвого в палате.

«Одинокая вышка по центру моря...»

Одинокая вышка по центру моря,
В боках кто-то падалью нищих кормит,
Под песком не песок, а гнилью пропахший
Черный труп под землю рукою мне машет.

Океаны падают в небо
и тушат звезды,
А меня где-то вновь обсуждают пезды.

И также одно лишь, одно не изменно,
Также живо, глупо и мирно,
Также не знавшая вечно горя
Одинокая вышка по центру моря.

«Когда я постарею...»

Когда я постарею,
Пройдет совсем немало лет,
Когда полтела онемееет,
Просуществую сотню лет,

Из моды выйдет рэп и рок,
На дискачах «Ламбада» заиграет
Под эхо старых потолков
Мы смерть свою пронаблюдаем.

Никто не будет вспоминать
И обсуждать кумиров наших,
современных,
Наш тихий мир во лжи воспрянет,
Погибнет пара поколений.

Еще взять зим под 150,
Не будет никого из нас,
Нам некого останется терять,
Когда-нибудь потом,
а может,
в следующий раз.

Конец

Вот – крест, переверни. Вот – крест.
Соната пылает! Пусть дальше пылает.
 А ты погибал; с ветки телом ты вис!
Еле солнце светает! Еле-еле светает...
 Вир между тисков зажимается, в поршни.
Перила сыплются в шлак на снегу,
О, льются в бассейн мясистою кожей!
Грим личность стирает на гнидном веку...
 Еле солнце светает... Еле-еле светает!
И зыбкий песок нас тянет на дно,
то ли Бог, то ли черт, а небо пылает —
 Любовный сюжет то ли сна, то ли снов.
 Жрем хлебы из ржи на стертых коленях.
О, мерзкие будни с минувшими днями!
 И рвотой облитые, страшные стены,
 Вонзятся в сердца, мором в пьяном угаре.
 Еле живем, хватаясь за крест,
 Мы вместе пылаем...
...встречая конец.

die Entfernung

Почему я люблю расстояние?
Не большое, лишь в меру, взаправду,
Чтобы видел в тебе я изъяны
На помеченных кровью картах.

Ты лежишь, обнимая меня,
Очень сильно прижавшись к груди,
Но не вижу тебя я за кадром
Средь обычной и будней тоски.

Дуновеньем по коже касанья,
Но в глазах пустота, да и только,
В них я вижу бездонный экватор,
И запреты на все, что нам можно.

Отклонив телефона экран,
Чтоб увидеть твою улыбку,
Я увидел виновника ран
И рубцов на бездонном сердце.

Уголки твоих губ загибались,
И контур параболой плелся,
Я не бросил... Но очень старался,
Жаль с тобой мы не многого просим.

И шершавость чешуйчатой кожи
На твоих идеальных руках
Мне корчила всякие рожи
В ответ на всю глупость сонат.

Мы не Репины, чтобы картины,
Чтобы маслом и чтобы писать,
Наша гордость – тлетворность Ундины,
Теряется в нефти, как сталь.

Мужичье... Скорее, романтик,
В кабелиных издержках избитый,
От меня ты зарылась под фантик,
Под которым скрывалась конфета...

Каждый стих как будто последний,
Без надежды на исправленье,
Вновь шах, мой творческий кризис,
И мат за мое упоенье.

Рашмор

Я проеб все заранее, знаешь,
Не теряя при этом башню,
Ты меня так заботливо маешь...
Я – не пик, и вовсе не Рашмор,

И моя голова как камень,
Об нее разбивались судьбы,
Тебя это все-таки манит,
Хоть и вовсе, камни – не люди.

Ты мне будешь лишь мхом у подножья
Нашей общей с тобою скалы...
Пизданулся я каменной рожей
Об твои кружевные трусы.

Поэт

Ты все свои идеи пустил по трафарету,
В пустые залы загоня свои речи,
Ты поклонялся то орлам, то бафомету,
Поэзию считая чем-то вечным.

Я здесь один, но в то же время сам с собой,
Глаголю что-то, что на равных с истиной,
Но я как ты не принял этот бой,
Что содержался в чьих-то письмах.

Здесь слишком много потерялось,
Разбилось, смылось и куда-то делось,
Но также много, многое осталось,
Не сгибло, не пропало и не спилось.

А вдохновение рождает эти строчки,
И я на пару вместе с ним,
Оно не зря, наверно, существует,
Раз только если с ним я жив.

И все здесь было, есть и будет,
Пока живут и есть поэты,
Есть все хорошее, есть люди,
Есть мир, есть войны, зимы с летом.

Кто мне не верит, руки кверху,
Попробуйте со мной поспорить,
Я не один, хоть, может, в клетке,
Но вас здесь много бестолковых.

И да, ты не согласишься, не один,
Хоть не дружу совсем я с головой,
Ты все равно надменно спросишь: «С кем ты?»,
А я отвечу: «Сам с собой».

Лишь Смерть

Понизил тон.
Повысил градус.
Душа болит.
Поломан пандус.
Постройка века —
Корпус слова.
Висок истек
Капризной кровью.
Обрыв, опять.
Мечта, старанья.
Строка из песни —
Знак познания.
Поэт, писатель.
Таких много.
Был Пушкин, Блок,
Есенин, Гоголь.
Мы все безлики,
Сквозь века.
Лишь Смерть
Поможет, господа.

Future

«Всем вам сюда вход воспрещен», —
Приказы в голос на экране;
Но заходя столь посвященно,
Мы рвали, мать, друг другу раны.

И, пусть, этюд не завершен, —
Порежь мне душу на куски,
Желаю быть я воскрешен,
Чтоб людям править всем мозги.

Нам не постичь вершины славы,
Нет смысла боле мелочиться,
Пока на вахту не сослали
У добрых пьяниц жить учиться.

Дискредитация умов
Настанет верно, гордо, одиноко,
Никто не стащит с закровов
Через руки времени бинокль.

69—96

Жить своей жизнью под призмой чужой —
Что может быть хуже? Скажите...
Знайте, друзья, что под маской любой
Можно любое предвидеть...

Я не безликий, лишь только отчасти —
Все страстно, но тупо – в банальной манере.
Наверное, мне, для полного счастья,
Осталось лишь только попеть под фанеру.

Не надо быть гением, чтобы опешить,
Нам старшие это давнешне вбивают:
«Мы слышим все то, что хотели услышать»,
И вовсе не факт, что мы все понимаем.

Мне поголовно и не перечислить,
Как много всех тех, кому я соврал,
Под чьей личиной нам всем надо мыслить,
Чтоб все, что писал воедино связать?

Три года назад

Я сгинул давно, три года назад,
Мой прах не развеян по ветру.
С тех пор я искал в себе же врага,
Рисуя по кафелю гневом.

Побитый январь меня не заботил,
Он вдохновенье дарил, но ценой...
Письма нетрезво кровью и потом
Пишу, сидя дома, но только порой...

И если умру, рассказывать близким,
Что люди – лишь просто для Бога мишень,
Что смерти моей никто не заметил,
Я смысла не вижу, ведь мне будет лень.

И поезд опять запоздалый укатит,
Я уведу свою тень из-под рельс,
Друг мой любезный, а, может быть, хватит?
Это же явно, любви недовес...

Над электричкой вспарю, улечу,
Костями взмахну, как-будто синица,
Я, правда, легко и слегка удручен,
Но что нам повяжет острейшая спица?

«Не пытайся читать это быстро...»

Не пытайся читать это быстро,
Подумай над каждой строчкой:
«Зачем нам контрольный выстрел?
Зачем нам на тесте полоски?»

Зачем же нам все-таки нужно
Быть выше собственной меры?
«Я пойду лишь вдоль мелкой поземки —
Поиск смысла ненужной мне веры.

Зима

Без конца по зиме ты терпишь потери,
Дела идут плохо, и часто – нескладно,
Рвешь на куски все соседские нервы,
Разбитые окна, как проблеск завала.

Утром все будет иначе, мой гений,
Сначала проснешься, умоешься, выпьешь,
Вновь поклонись любимой Минерве
И в монитор не без мысли залипнешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.